

Лопушанский К.

7/VI 86

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

При свете сумерек

Запомните это имя: Константин Лопушанский.

«Седьмые сумерки первого года» — было одно из рабочих названий картины, законченной им на «Ленфильме».

В том мире, который останется после Катастрофы, больше не будет ни дня, ни ночи. Земная атмосфера заражена, уцелевшие люди смогут жить только под землей. Один из персонажей (его играет в совершенно необычной для себя манере Ролан Быков) предлагает отныне считать время не в сутках, а в «сумерках»: один сумерек, второй сумерек...

Константин Лопушанский старше своего отца. Отец, Сергей, умер в тридцать три года. Его догнала война, на которую он ушел из ИФЛИ. Вернувшись, поступил на философский факультет МГУ. Его будущая жена училась на филологическом. Костя потерял отца в шесть лет. Теперь шесть лет его сыну Сергею.

Сначала он взял в руки скрипку. По классу скрипки закончил консерваторию в Казани. В Ленинграде (в 26 лет) защитил диссертацию «Принцип художественного перевоплощения в русской музыкальной исполнительской эстетике второй четверти XIX века». В Москве окончил Высшие режиссерские курсы, сняв в качестве диплома по собственному сценарию (вместе с Альбиной Шульгиной) тридцатиминутный художественный фильм «Соло», завоевавший несколько первых наград на международных фестивалях. Судьба музыканта в блокадном Ленингра-

де соединялась с историей блокадного концерта, где исполнялась 5-я симфония Чайковского. Главная тема — «анданте кантабиле» — образ разрушения мира. Финал выводил к формуле Достоевского: «Красота спасет мир».

Философ-отец, мама-филолог, скрипач-сын, война, Ленинград. Все вошло в судьбу, все сложилось в крутой замес, на котором возник кинематограф Лопушанского. Да, можно говорить о кинематографе, хотя перед нами всего лишь вторая картина молодого автора. Теперь она называется «Письма мертвого человека». Сценаристы — он сам, Вячеслав Рыбаков, Борис Стругацкий.

— Почему этот материал? — спросила на всякий случай, думая получить эпизод, воспоминание или даже прямую декларацию.

— По-видимому, наиболее соответствует моей природе, — был скупой ответ.

Высокий лоб, худое лицо, окаймленное бородкой, нервные пальцы — вежлив, но закрыт, с объяснениями не торопится. И прекрасно, что так. Торопящихся объяснять, как и вообще торопящихся, много — меньше честно и строго слушающих себя, вынашивающих свой честный и строгий отзыв на время и его проблемы. Но это и есть знак таланта.

Фильм показывали в Комитете защиты мира, и это самое первое место, где его надо показывать. В нем много страшного. В результате ошибки нажата роковая кнопка. Жизнь

на земле уничтожена. Специалисты, консультировавшие ленту, показали, что изображенное точно, хотя реальные последствия еще страшнее. Выбравшись наружу, бродят в защитных плащах и масках двое ученых. Тот, кого играет Быков, кажется, сошел с ума. С помощью сложных таблиц и уравнений он пытается не только отыскать причину гибели мира (как будто это еще имеет значение), но и шанс на спасение остатков человечества. Они ходят вдвоем по щиколотку в жуткой жиже, и много-много стульев стоят и лежат поломанные в той же жиже под открытым небом, тут же полуспортивные книги, рукописи...

Мироощущение художника трагично — потому что трагичен главный вопрос сегодняшнего мира: быть или не быть? Не одному Гамлету. Всем Гамлетам. И негамлетам тоже.

Этот фильм можно назвать и философской фантастикой, и фильмом — предупреждением. Одни в нем проклинаят человечество за ошибочный путь развития, другие преклоняются перед человеком, который, несмотря ни на что, сохранял в себе достоинство, находил силы для сострадания и любви, мужество, способность к борьбе за идеалы. Сегодня, когда случилась черныбыльская трагедия, коснувшаяся каждого, следует особо поддержать гражданскую позицию молодого художника, всей силой таланта сказавшего главное: войны не должно быть.

Ольга КУЧКИНА.

Получено в редакцию 7/VI 1986

7 ИЮН 1986